

Тупой панк-рок для интеллектуалов

Автор:

Дмитрий Спирин

Тупой панк-рок для интеллектуалов

Дмитрий Спирин

Подарочные издания. Музыка

Панк-рок и интеллектуалы – казалось бы, вещи не связанные, но лидер «Тараканов!» Дмитрий СИД Спирин мастерски доказывает обратное. За ироничным названием книги кроется не просто история одной группы, а срез жизни неформалов 90-х всей России – одновременно смешной и горький. И конечно, это настоящий подарок для фанатов!

Как Сид получил свое прозвище и откуда взялось название группы? За что Спирин попал в питерскую тюрьму? Что общего у «Тараканов!» и «Сплина»? Как записывали альбомы, когда о рекорд-студиях еще никто не слышал? И как, черт возьми, эти панки смогли пережить несколько кризисов, смену составов и звучания и не просто продолжить успешно выступать на сцене и выпускать новые альбомы, но и вдохновлять других музыкантов на свершения?

Все ответы здесь, в этом хлестком и честном манифесте рокерского духа, захватывающего внимание читателей с первых страниц. Подтверждением тому уже третье издание этой культовой автобиографии! В качестве бонуса в новую версию книги вошли дополнительные материалы: первое зарубежное интервью группы и интервью Юрия Дудя, история про разогрев «Технологии» и «Bloodhound gang», а также уникальные архивные фото и концертные афиши.

Книга содержит нецензурную брань.

Дмитрий Спирин

Тупой панк-рок для интеллектуалов

© Peter Turnley / Contributor / Corbis Historical / GettyImages.ru

© Спирин Д. А., текст, 2020

© Тохтасунова Н. А., фото, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Предисловие

Некоторые книги следует только отведать, другие – проглотить и только немногие – пережевать и переварить.

© Томас Бабингтон Маколей

Английский историк и поэт Томас Бабингтон Маколей весьма точно описал мои взаимоотношения с книгой «Тупой панк-рок для интеллектуалов». Сначала по совету друга я отведал пару глав, спустя полгода проглотил все остальное, семнадцать лет пережевывал и, наконец, переварив, сделал важный вывод: «Тараканы!» – хорошая группа, но мемуары Дмитрия Спирина – культ. Я перечитывал их несколько раз и каждый раз очаровывался обычным московским пацаном, проделавшим путь от наркомана 1990-х до рок-звезды 2000-х. История его успеха будоражила, а упорство вдохновляло, передавая эстафету от автора к читателю. Эта книга без преувеличения стала примером для тысяч молодых людей по всей России. Я был одним из них, и вот моя история.

Все начиналось типично, как у многих из поколения Y. Я родился и вырос в небольшом провинциальном городе Владимир в 180 километрах от Москвы. Весной 2000 года в возрасте 13 лет я попал на концерт «Сектора Газа»

в местном ДК еще при живом Юрии Хое. Это событие изменило мою жизнь и стало точкой входа в панк-культуру. Примерно тогда же один из одноклассников дал мне послушать кассету The Offspring Americana, подцепив на крючок, а уже осенью у них вышел шестой альбом – Conspiracy of One, который фактически сформировал мои музыкальные вкусы: калифорнийский панк-рок и поп-панк, доминирующие тогда в мире.

Дальше в мою жизнь серьезно вмешались книги. К 2003 году, когда вышел «Тупой панк-рок для интеллектуалов», выбор у нас, провинциальных любителей панк-рока, был невелик: уже культовая «Панк-энциклопедия» Олега Бочарова, бесполезная «Философия панка» Крейга О'Хара и сборник интервью «Панк-вирус в России» Ольги Аксютинной, который не понравился мне из-за формата. Интервью – это, как правило, частности и сумбур. Сюжет – обычно что-то цельное и фундаментальное: завязка, развитие, кульминация и финал. Это интереснее, но гораздо сложнее. Бочаров и Спириин не пошли легким путем, выбрав в качестве сценариста жизнь, и если «Панк-энциклопедия» – сборник рассказов, то «Тупой панк-рок для интеллектуалов» – полноценный роман. Автобиографический роман, что еще ценнее.

На этом союз двух книг не закончился. «Панк-энциклопедия», будучи прорывной для своего времени, имела один недостаток – в ней отсутствовали отечественные исполнители. С другой стороны, на фоне Rancid или Agnostic Front истории российских групп смотрелись бы куце. Только подробная, насыщенная мелочами и местным колоритом книга могла стать достойным ответом заморским фирмачам. У Дмитрия Спирина, как на заказ, получилась именно такая. «Тупой панк-рок для интеллектуалов» выстрелил в нужное время в нужном месте, став своего рода логичным продолжением, русским дополнением к «Панк-энциклопедии». Не думаю, что автор ставил себе такую цель, но инстинкт актуальности его не подвел. Уже первые главы, появившиеся на сайте «Тараканов!», вызвали резонанс среди панк-общественности, голодной до информации в те ламповые времена.

Шел 2003 год. Диалап все еще унижал людей, а треск модема был ежедневным ритуалом для тысяч провинциалов. Активировав часовую карточку на интернет, я вполз в царство безграничных возможностей. Ромашка на аське обернулась зеленой, и последовал звук «ООУ». Я открыл сообщение и прошел по ссылке то ли на punk.ru, то ли на antipunk.com, где в одной из веток обсуждали автобиографию Дмитрия «Сиды» Спирина. Комментарии были разными: от хейта до восторженных. То, что нужно, подумал я и пополз на сайт «Тараканов!».

Скопировав выложенные главы в блокнот, освободил домашний телефон и... втянулся. Написанное произвело на меня сильное впечатление. Воздушный язык автора и яркое субъективное отношение к прошедшим событиям вызвали читательскую ломку.

На кумарах пришлось жить полгода, но когда полная версия книги вышла, то произвела эффект взрыва, саундтреком к которому стал альбом «Улица свободы».

Золотой состав гремел!

Под этот грохот я переехал в Москву и влился в армию поклонников «Т!», но медовый месяц длился недолго. Уже в 2005 году золотой состав разбежался, а Дмитрий Спирин заявил, что играет теперь рок-н-ролл. Это не стало откровением, но мой снижающийся и без того интерес к группе угас совсем, а за ним последовали и другие артефакты прошлого: «Тупой панк-рок для интеллектуалов», «Панк-энциклопедия» и даже любимый The Offspring. Наступила новая реальность: безлимитный интернет, ЖЖ и гигабайты музыки из соулсика. Панк-рок если не ушел, то плотно присел на онлайн, разделившись на тусовки. У всех появились новые инфлюансеры, новые друзья и новые источники информации. История творилась здесь и сейчас, кому нужна была группа, отказавшаяся от своих панк-корней?

Но история циклична. В 2013 году я стал администратором паблика vk.com Interesting Punk и рьяно взялся за дело. Мы старались публиковать посты ежедневно: на разные темы, о разных жанрах, в разных форматах. Паблик требовал контента, поэтому естественным образом я опять начал пережевывать две краеугольные для себя книги: «Панк-энциклопедию» и «Тупой панк-рок для интеллектуалов». Первую периодически цитировал, но главное, исполнив мечту, взял интервью у Олега Бочарова, где тот подробно рассказал, как создавался шедевр. Вторая стала не только важным первоисточником, но и поводом познакомиться с Дмитрием Спириным. Я просто написал ему на почту, выразил уважение и предложил стать первым участником теперь уже классической рубрики «9 песен, которые заставили меня влюбиться в панк-рок». Он с энтузиазмом согласился и выслал замечательный текст, ровно в том стиле, каким написана книга. Когда я его опубликовал, то испытал чувство гордости вперемешку с ощущением победы. Еще одна мечта была исполнена!

Дальнейшее наше сотрудничество в рамках Interesting Punk было predetermined. Не будет преувеличением, если я скажу, что Дмитрий стал одной из составляющих нашего успеха. Он ни разу не отказался написать пост, всегда помогал с промо и знакомил с нужными людьми. Его имя открыло нам кучу дверей и собрало немало лайков за семь лет существования паблика. Уверен, ни одна группа не представлена так широко на Interesting Punk, как «Тараканы!». Многим это не нравится, некоторые прямо обвиняли нас в материальной заинтересованности, но все гораздо проще: в российском панк-роке просто нет другого человека, обладающего таким солидным набором: популярность и открытость, тридцатилетняя карьера и сохранившийся энтузиазм, упорство в создании инфоповодов и воля их качественно отрабатывать.

Я повторяю, КАЧЕСТВЕННО! В десятке самых популярных постов Interesting Punk сразу два, в создании которых поучаствовал Дмитрий Спирин: его рецензия на книгу экс-бас-гитариста группы «Король и Шут» Александра «Балу» Балунова «Между Купчино и Ржевкой...» и топ-9 лучших песен «Тараканов!» по версии Юрия Дудя, сделавшего это по просьбе Дмитрия. Всего же к апрелю 2020-го на Interesting Punk вышло почти 2400 постов, из которых около ста так или иначе связаны с «Тараканами!», то есть порядка четырех процентов. Не так уж и мало для «главного панк-паблика страны». Какой из этого можно сделать вывод? Очень простой. Если представить, что Interesting Punk – это российский панк-ВВП, то доля «Тараканов!» в нем равняется сельскому хозяйству. Можно ли представить Россию без сельского хозяйства? Вряд ли, как и панк-рок в России без «Тараканов!» и книги «Тупой панк-рок для интеллектуалов». Это уже классика!

К сожалению, классика часто пылится на книжных полках. На пару лет я опять забыл о мемуарах Дмитрия Спирина, но вновь к ним вернулся в 2019 году, когда начал новый проект – панк-квиз Punkium. Теперь «Тупой панк-рок для интеллектуалов» стал источником вопросов для Санкт-Петербурга. В Москве Дмитрий участвует сам и уже зарекомендовал себя эрудитом и сильным организатором. Команда, которую он собрал, не только дважды выиграла наш представительский турнир, но и внесла определенную скандальность. Местами абсурдную, но такую необходимую для развития этой движухи. Как сказал Дмитрий на подкасте, куда я пригласил его поговорить о квиле: «Последние двадцать лет панки мерились хуями в интернете. Наконец-то появился способ сделать офлайн великим снова».

Это ключевая фраза, характеризующая Дмитрия Спирина и его книгу. Он – мастер офлайна, а его автобиография не просто череда событий на пути к успеху, но мастер-класс по панковской жизни – история о том, как нужно пожить, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Я был хорошим учеником, и мне есть что вспомнить. Я даже успел организовать концерт «Тараканов!» во Владимире, который ушел в минус. Дима простил мне десять кусков (спасибо!), а на следующий день перед отъездом подписал второе издание. Теперь я пишу предисловие к третьему. Биография «Тупой панк-рок для интеллектуалов» стала частью моей собственной. Семнадцать долгих лет пережевывания превратились в привычку: любить тупой панк-рок и быть интеллектуалом!

Как Дмитрий Спирин.

Сергей К.

Паблик Interesting Punk / Квиз Punkuum / Подкаст «Кубок Стэнли Кубрика»
/ Концертное агентство Play It Loud Booking

Таганка, самоизоляция, апрель 2020.

Предисловие ко второму изданию

We are the chosen few; we are the frozen crew,

We don't know what to do, just wasting time.

We don't know when to quit, we don't have room to spit,

But we'll get over it, get back in line.

Мы познакомились в самом конце 2002 года. Дима тогда частенько заходил к нам – в офис музыкального портала Rockmusic.ru, которому на тот момент только предстояло стать настоящим журналом. Я же в офисе находился не постоянно, а лишь приносил свои статьи на дискетах. И мне было очень обидно: все в комнате пересказывали друг другу новые шутки и байки, которыми обильно снабжал редакцию Дима Спирин во время каждого своего визита, и лишь я был как бы «на обочине», не имея удовольствия лично знать такую большую звезду. И все же рано или поздно я должен был на него наткнуться. В один из декабрьских дней я пришел в офис и застал Диму сидящим прямо на полу, фактически под столом нашего главного редактора Гриши Фельдмана. Надо сказать, условия у нас были тогда более чем стесненные – мы все помещались в крохотной комнатке одного из старых московских институтов, в Пыжевском переулке. Так что стул для гостя зачастую был роскошью, которую мы не могли себе позволить. На меня сразу произвела впечатление огромная красно-синяя шевелюра, вязаный свитер и невероятно узкие Димины джинсы. Это сейчас узкачи любого покроя можно купить в каждом первом джинсовом магазине, а тогда это производило впечатление. Нас представили, и с тех пор вот уже больше 10 лет нас связывают теплые дружеские отношения.

Да-да, это были времена, когда многие из нас еще пользовались дискетами, а интернет был не в каждом доме. Собственно, именно эта причина и заставляла Дмитрия с такой периодичностью заглядывать к нам – артист писал за одним из компьютеров редакции свою книгу! Настоящие мемуары. У нас были компьютеры, был интернет, и все это мы были счастливы предложить нашему талантливому гостю, потому что понимали, что прямо на наших глазах пишется история, и в данном случае выражение это совсем не фигуральное.

Дима нам тогда казался человеком жутко опытным и все повидавшим на своем веку – ведь он начал играть в группе аж в 1991 году!

И только теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что на момент написания автору было всего 27, и теперь это, без сомнения, лишь добавляет ценности этой книге. Согласитесь, напиши он эти мемуары сейчас, это была бы совсем другая история, написанная другим человеком. Может быть, эта история была бы не хуже, но она была бы совсем другой.

Две тысячи второй год был для группы «Тараканы!» судьбоносным. Они выпустили ставший теперь уже классическим для многих фэнов альбом «Страх и ненависть», песня с которого («Я смотрю на них») стала большим хитом на радио, затмив все предыдущие достижения группы. В это сложно поверить, но, чтобы превзойти успех этого хита, группе понадобилось больше десяти лет – лишь в 2013 году «Тараканам!» удалось покорить вершину «Чартовой дюжины» песней «5 слов». Но тогда на ребят обрушился неожиданный успех: они испытывали внимание со стороны прессы, их приглашали на гастроли, они участвовали в крупнейших фестивалях. В начале 2003 года группа готовилась отпраздновать 12-летие большим сольным концертом в «Горбушке» и сыграть совместный концерт с Марки Рамоуном – обо всем этом вы прочтете в этой книге, – и параллельно с этим Дима работал над своим литературным трудом. Не покладая рук.

Еще тогда мне запомнилась одна особенность Дмитрия Спирина – его полное погружение в текущее дело. Всем нам в офисе часто хотелось потолковать с ним о том о сем, послушать его байки про гастрольную жизнь, услышать новые приколы про «Приключения Электроников» и старые – про Чачу и давидковскую рок-тусовку. Поэтому каждый хотел пойти с Димой покурить и выведать от него что-нибудь эдакое. Но не таков был автор книги – он выбегал в коридор буквально на десять секунд, делал пару затяжек и возвращался к своему труду. Не поднимая головы, часами он сидел за своей работой, не обращая внимания на происходящее вокруг и лишь изредка отпуская смешные шутки по поводу или без. Кто-то это назовет упертостью или излишним перфекционизмом, однако применить такие черты к балагуру и весельчаку Сиду язык не повернется. В последующие годы, когда нас связывали разные общие дела и проекты, наблюдая за работой Дмитрия изнутри ансамбля, я понял, что если уж этот человек за что-то взялся, то берегись – не отступит, пока не перепробует все возможные способы достичь своей цели. При этом ко всему остальному, не касающемуся главной цели, Дима умеет относиться удивительно легко и бесшабашно. Мне кажется, такая его черта во многом объясняет движуху, которая постоянно происходит вокруг «Тараканов!», да и саму живучесть этой группы. Спустя более 20 лет существования изначально нелепое название коллектива приобрело новый смысл – в своем жизнелюбии и невредимости они и вправду напоминают тараканов.

Когда книга «Тупой панк-рок для интеллектуалов» увидела свет, все стали читать ее взахлеб. То есть не какой-то узкий кружок фанатов, а буквально все музыкальное сообщество!

Все советовали друг другу почитать книжку Димы Спирина, все брали ее друг у друга «почитать», но никогда не возвращали. И все были в восторге. Литературный талант Дмитрия, отмеченный и ранее в его публицистических трудах, в полной мере проявился в его, с позволения сказать, мемуарах. И никакого секрета в притягательности его слога нет – просто он пишет, как говорит. А как Дима говорит, знает каждый, кому хоть раз довелось пообщаться с ним или послушать/посмотреть передачу с его участием, ну или сходить на творческий вечер. Его речь – это непрекращающийся поток изящных иронических словесных оборотов, сдобренных неслыханными доселе словечками, рождающимися в его голове на лету. Такое ощущение, будто его мозг безостановочно сканирует информацию, поступающую отовсюду, перемалывает в своей внутренней мясорубке слова и выдает совершенно неожиданные образования. И вот этот речевой стиль без всякой задней мысли и злого умысла Дима перенес в книгу. Даже легкий матерок, проскакивающий то там, то тут в повествовании, вовсе не выглядит грубо, а это уже большое достоинство писателя, как ни крути.

«Тупой панк-рок для интеллектуалов» является столь ценным трудом совсем не в качестве истории группы «Тараканы!» (ну что принципиально нового может нам поведать очередная история рок-группы), а скорее в качестве летописи 1990-х, подобной которой ни тогда, ни спустя 10 лет как не было, так и не появилось. Сейчас тема 1990-х актуальна как никогда – по телевизору постоянно идут передачи о тех временах, про путчи 1991-го и 1993-го годов написаны сотни книг, сняты десятки фильмов, даже, казалось бы, незыблемая «Дискотека 80-х» плавно превратилась в «Дискотеку 90-х». То есть феномен этого времени стараются осветить со всех ракурсов, под всяким соусом. Но вот летописи московской андеграундной сцены от лица 16-летнего паренька, репетирующего в подвале дома на Кутузовском панк-рок-песни, – такого освещения событий начала 1990-х мы не встретим больше нигде. Вместе с архивными фотографиями чередой ярких вспышек проносятся перед читателем истории о молодых «НАИВ» и «Ногу светло!», авторитетных «Монгол Шуудан» и «Ва-Банкъ», и все это на фоне путчей, киосков, новоявленных наркодилеров и простой шпаны 1990-х. Дима пишет и вправду захватывающе.

Так уж получилось, что первое (и до сегодняшнего дня единственное) издание книги «Тупой панк-рок для интеллектуалов» не отличалось высоким качеством переплета, и после первого же прочтения экземпляр буквально рассыпался на мелкие фрагменты. Прибавим к этому маленький тираж, и сразу станет ясно, почему до наших дней дожили буквально единицы экземпляров. Лично мой, к примеру, был безвозвратно утерян одним из знакомых любителей литературы еще в 2005 году. За это время подросло не одно новое поколение поклонников «Тараканов!», которое, конечно же, уже неоднократно прочло этот культовый труд на просторах интернета, и все же на протяжении вот уже десяти лет из года в год поклонники спрашивают, когда же книга будет переиздана. И вот этот момент наступил. Ребята, приготовьтесь к наслаждению! И не обижайтесь на автора, если прочтете книжку залпом за два дня – автор не виноват, что пишет так интересно.

Степан Максимов

музыкальный журналист и критик,

экс тур-менеджер «Тараканов!»,

писатель, повар, человек-француз...

От автора

Когда в 2003 году я заканчивал эту книгу, то и подумать не мог, что она выдержит три переиздания, вызовет такое количество положительных отзывов как внутри нашей немногочисленной сцены, так и за ее пределами и в итоге станет своеобразным культом.

Я написал ее за пару месяцев, на гастролях, между делом, на случайных компьютерах, за которые я просил пустить меня поработать организаторов концертов в городах тура, посвященного нашему только что вышедшему тогда альбому «Улица свободы».

У меня было несколько дискет, которые я таскал с собой по всему маршруту тура. И у меня была цель – всеми правдами и неправдами каждый день увеличивать объем текста хотя бы на пару абзацев.

Я не ставил перед собой цель написать бестселлер, так как в любом случае все, что касается такой музыки в нашей стране, продается, если честно, не очень. Хотя и тут есть исключения.

Я не пытался написать «объективную автобиографию», так как никакой объективности на самом деле не существует, а биографии должны писать биографы.

Мне просто очень хотелось сделать что-то, чего я еще никогда до той поры не делал, – взять и написать книгу.

Ну а почему нет? А чего такого? Когда-то я ни разу не играл в группе, а потом раз, попробовал и начал играть. Я никогда не сочинял песен. А потом вдруг раз, и начал, не зассал. Было время, когда я даже не пытался быть в группе вокалистом. А потом попробовал и стал.

Так же и с книгой: я кинул себе: вызов, взялся и сделал. И это одна из самых крутых мотиваций, которые я когда-либо испытывал. Ты просто говоришь себе как так? почему это кто-то может, а я – нет? а если попробую? и потом просто берешь и пробуешь. И куда бы тебя потом это ни завезло, все, что ты получаешь, это новый опыт и навыки.

Может быть, у других людей по-другому. Я не знаю. Может быть, они (как учат в мудрых книгах по духовному росту и в некоторых панк-песнях) просто просят у Вселенной, и та им дает. Вполне возможно, что с ними это происходит именно так.

Но лично я не верю, что если бы я не хотел быть в группе, она сама соткалась бы из воздуха. Что если бы я не принял решение стать вокалистом, то Вселенная подбросила бы нам через пару недель отличного певца, с которым мы тут же ворвались бы на арены. Что если бы я не попробовал писать песни, то их, несомненно, написала бы за меня Вселенная. И если бы я не сел когда-то за эту

книгу, то ее за меня написал бы кто-нибудь еще. Я не верю (повторяйте четыре раза).

Сейчас, прежде чем сесть сочинять этот текст, я перечитал саму книгу. И еще раз поразила своей тогдашней самоуверенности и сильно развитому чувству собственной значимости. За что мне сейчас одновременно и немного стыдно, и немного завидно. Вот бы мне сегодня столько уверенности, столько опоры на самого себя, столько чувства абсолютной победы, столько неуязвимости и столько непоколебимой уверенности в важности того, чем я занимаюсь в музыке. Но, увы и ах, с годами даже самые самолюбивые и самоуверенные говнюки теряют хватку. Особенно если им посчастливилось не раз и не два лоб в лоб столкнуться с той самой реальностью, которая способна укатать любого сивку почище каких угодно горок.

И напоследок... Один из наиболее часто задаваемых мне вопросов с 2003 года: есть ли в моих планах продолжение этой книги? Многие люди почему-то восприняли ее как подобие личного дневника, который вдруг оборвался на самом интересном месте. Или как автобиографию с продолжением.

Ну, как бы говорят они, ведь время-то прошло, случилось, наверное, много других интересных событий, которые достойны того, чтобы про них написали в книге. Да, несомненно. Прошло. И случилось. Только эта книга – законченное литературное произведение, с началом, серединой и концом. Она во многом говорит даже не обо мне, даже не о группе, а о времени, которое вместе с группой началось. И примерно в том месте, где книга заканчивается, это время безвозвратно ушло. Поэтому ответ – «нет». Книга не жизнь, и продолжения у нее может и не быть. Да и у жизни-то оно не всегда бывает, чего уж. Так что, ребята, наслаждайтесь тем, что есть. А такую книгу, в которой было бы жизнеописание группы «Тараканы!» начиная с 2003 года, может быть, напишет кто-то другой. Будем, по крайней мере, на это надеяться.

Спасибо Игорю Гарику Рыбину, Владимиру Ерквичу, Борису Володину, Степану Максиму, Сергею Конусу и всем сотрудникам «Эксмо», работавшим над книгой. Без вас это переиздание не было бы возможным (по крайней мере, в таком виде).

Интро

Перед тем как позволить вам приступить к чтению собственно книги, я хотел бы ответить всем, но в большей степени самому себе, на два вопроса: зачем она нужна и почему я сам пишу ее.

Я часто встречаю в продаже подобные литературные труды и знаю, что частенько такая книга может стать по-настоящему занимательным чтением, причем не только для фэнов группы, но и (если только подойти к вопросу грамотно) для абсолютно посторонних людей. Не так давно я прочитал автобиографию Марка Алмонда «Порочная жизнь» и так прикололся, что решил скупить все пластинки артиста, о котором я до той поры знал только понаслышке. Такое же сильное впечатление на меня произвела биография Джона Леннона авторства Альберта Голдмана. Был период, когда мы просто выстроились в очередь друг за другом, чтобы прочитать ее. Есть и еще одна причина. Прилавки рок-магазинов сейчас завалены биографиями российских групп, которые не пережили и сотой части тех удивительных приключений, странных встреч, судьбоносных знакомств, беспредельных эпизодов и крутейших поворотов судьбы, имевших место в нашей жизни. И вы предлагаете мне спокойно смотреть на это? И еще один момент: люди хотят знать все... Ну, или почти все (я имею в виду тех людей, которые вообще могут хотеть знать хоть что-то). Стандартная биография, доступная на нашем сайте или еще где-то, отвечает только на основные вопросы. Я же постараюсь предельно откровенно (настолько, насколько это вообще возможно) описать все то, что происходило эти двенадцать лет, дать объективную (опять же, настолько объективную, насколько это может сделать такой самовлюбленный субъект, как я) оценку событиям, фактам, а главное – людям. Я очень надеюсь, что после выхода этой книги единственным вариантом ответа на вопрос типа «Слышь, Сид, а че тот-то из группы свалил?», или «А когда вы сочинили это?», или «А че вы ваще имели в виду, когда сделали то?» будет ответ: «Читайте, ребята, книжки. Там все пишут».

Почему же я сам решил написать это? Отчего мы, например (как это делают многие) не воспользовались услугами какого-нибудь типа писателя или, что еще лучше, музыкального журналиста?

Ну, во-первых, принцип «Делай Это Сам» часто становится единственно возможным способом получения отличного (наилучшего) результата. Кто лучше,

чем я, знает, что НА САМОМ ДЕЛЕ происходило? Кроме того – чем я не писатель? Писатель, да еще какой. Многие пососут. И еще. Эта группа и эта музыка – не что иное, как моя собственная жизнь. Единственная тема, которую я знаю по-настоящему хорошо. Досконально.

1. А ну-ка раз, два, три, четыре!

Это была ранняя весна 1991 года, время стремное, но интересное. Страна потихоньку подбиралась к первому путчу в своей новейшей истории, жрать было нечего, курс доллара рос каждый день. Зато уже было радио SNC (рок круглые сутки!), и некоторые московские пацаны еще хотели быть звездами рок-н-ролла больше, чем хозяевами коммерческих ларьков, что на определенном этапе тоже весьма неплохо. Я уже около полугода репетировал с группой, менявшей свое название от репетиции к репетиции. Поначалу мы звались «Гриф», но кто-то нам сказал, что птица гриф питается падалью, и это оказалось достаточной причиной, чтобы название отменить. Обидно, я уже нарисовал шариковой ручкой мощнейшее метал-лого. Следующим вариантом был «Аббат», не знаю, почему нас вдохновило это слово. Помню, через неделю после переименования наш гитарист Паша Мазенов принес новую песню, в которой имелись следующие фантастические слова: «Встрече с ним каждый рад / твой и мой адвокат / аббат!» «Аббат» не были настоящей группой. Мы репетировали дома у барабанщика. Барабанщик играть не мог. Кроме всего прочего, его установка состояла из пустого чемодана (бас-бочка), клетки для птиц (все тарелки и хай-хэт одновременно) и пионерского барабана. У гитариста была гитара «Стелла» (модель культовой фабрики «Урал»), перегружалась она через отжатый на запись магнитофон «Электроника-312». Отдельно следует остановиться на певце, тем более что этот мощнейший человек будет еще встречаться на страницах книги. Певцом был Игорь Чекрыжов, или Гарик Чек, более известный ныне как Гарик-из-Зиг-Зага. Пел он у нас, правда, недолго. Гарик, Паша и я несколько лет подряд ездили в пионерский лагерь «Луч», где и познакомились. Я учился играть на басу, вот уже два года посещая так называемую «Студию современной музыки» в ДК «Красный химик». Летом 1990-го тяжелым физическим трудом, работая грузчиком на гастролях поп-группы «Клеопатра» (там еще была певица Светлана Владимирская. Позже у нее был хит «Мальчик мой», сейчас она в некоей секте, строит в Сибири Город Солнца), я приподнял немного рублей и купил «настоящую» бас-гитару. До этого я пользовался обычной акустической гитарой, переделанной в бас. Вот в таком составе и с

таким оборудованием мы старались сделать группу. А теперь представьте, что эта группа пыталась играть хард-н-хеви в стиле «Арии»! Все это было настолько смешно, что иногда даже не было понятно, в чем же здесь юмор. Группа не трогалась с места, и единственным достижением ее была договоренность о грядущем концерте в какой-то школе Бауманского района. Примерно в это время один бывший одноклассник рассказал мне о некоей группе, возникшей в нашем районе.

Группа, по его словам, играла «панк-рок» (что такое панк-рок?), и в составе ее имелись чуваки из 56-й школы, а также Воробей – Дима Воробьев, сын моей учительницы немецкого и одно время классной руководительницы Надежды Семеновны.

Во как! – подумалось мне. И как же они называются? А называются они «Кутузовский проспект» и недавно играли в нашем Доме пионеров на площади Победы. Концерт! Настоящий! Для публики, а не для школьников, под страхом смерти загнанных в актовый зал «на мероприятие».

Как выяснилось чуть позже, я, наверное, оказался единственным из районной тусы, кто не был на том самом историческом концерте во Дворце пионеров. Несколько недель после о нем говорили все. Люди даже запомнили пару песен, одна из которых, «Чапаев», оказалась вообще немислимым хитом. В разном исполнении я слышал ее от нескольких друзей, именно поэтому имею возможность привести здесь несколько строчек из этого удивительного произведения: «По реке плывет Чапаев, / далеко не уплывет, / потому что не смолкает / мой станковый пулемет. Гитлер лезет на сосну, / лезет и смеется (?!), / посмотри товарищ Сталин, / как он наебнется!»

К тому моменту «Аббат» (или как мы там к тому времени назывались) стали искать нормальную, не домашнюю репетиционную базу. Я, памятуя о месте проведения концерта «К. П.», отправился в свой районный Дворец пионеров попробовать договориться о возможности репетировать там. Переговоры увенчались успехом, хотя и были несколько омрачены личностями хозяев точки. Представьте себе (если только такое возможно представить в начале XXI века) двух абсолютно одинаковых с лица братьев, полухиппи-полупропойц в возрасте. Сморщенные ебальнички, плохенькие волосенки, свисающие соплями с затылков, неудавшееся музыкальное прошлое, сквернейшие характеры и

самоуверенность на фоне постоянной алкогольной абстиненции – такими были Игорь Валентинович и Олег Валентинович, руководители кружка «Рок-ансамбль» Дворца пионеров Киевского района г. Москвы. Never trust the Hippie, uhh, John? Тем не менее, несмотря на моментально возникшее взаимное неприятие, нам было назначено прослушивание. На самом деле Валентиновичи уже давно самоустранились от непосредственно ведения «кружка». По всей видимости, любая работа причиняла им боль и грусть. Братьями была выработана ненапряжная схема, при которой в помещении постоянно репетируют несколько уже готовых групп, одной из которых и были «К. П.». Дерзновенные юноши и девушки, проходящие с улицы, просто не принимались под предлогом отсутствия мест.

Итак, через несколько дней мы притащились на Кутузовский и в назначенный час включили свои «инструменты» в «аппарат» Валентиновичей. Кроме них в комнате тусовались «К. П.» в полном составе (кроме Ленина, по-моему). Подключившись, мы попробовали что-то сыграть. Назвать это прослушивание полнейшим фиаско – это значит не сказать ничего. Никто из нас не мог петь, можете себе представить, каких мелодий мы себе насочиняли, ориентируясь на «Арию»? Барабанщик останавливался через каждые пять секунд, делая вид, что ему все время что-то мешает. Мы начинали одну и ту же песню снова и снова, и снова у него отваливалась педаль или падала тарелка (на самом деле он, скорее всего, вообще впервые сел за настоящую установку). Мы чувствовали себя настолько беспомощно, что безответно сносили все тупые насмешки Валентиновичей. После очередной остановки старший Валентинович обратился к одному из тусующихся чуваков с телегой типа: «Денис, сядь за барабаны и покажи, как надо играть!» Денис сел и вломил. Разница была ясна, и не было никакой необходимости продолжать экзекуцию. Мы попрощались и ушли. После этого эпизода я принял решение покинуть группу, однако оставался в составе и ездил на репетиции еще некоторое время. Напомню, шла подготовка к важнейшему концерту в ШКОЛЕ!!!

Предложение играть на басу в составе «К. П.» прозвучало через несколько недель после позорного прослушивания.

Я встретил чуваков на своей троллейбусной остановке. Мы поздоровались как уже типа знакомые, и барабанщик Денис (или Рубан, как его все называли) спросил, как мои дела с той группой. Я честно признался, что собираюсь скипать. «Не хочешь панк-рок поиграть с нами?» – спросил он.

«Музыка простая, ты приколешься. Без соляков, без пафоса и напряжения. Мы раньше делали песни типа “Монгол Шуудан” и “Сектор Газа”, но быстро обломались играть совок. Сейчас играем в стиле Sex Pistols, быстро, мощно с дисторшн-гитарами».

«А что с вашим басистом?» – поинтересовался я (их басистом был некто Денис Сизов, чувак, живший со мной по соседству).

«Решили с ним расстаться, по разным причинам».

Позже Рубан признался, что на самом деле их приколот мой внешний вид (отдельный разговор...) и наличие черной чешской бас-гитары Jolana bass disco.

Я взял несколько дней на раздумье, а сам ломанулся к еще одному своему экс-однокласснику, Коляну Корчагину, чей старший брат слыл экспертом во всяких странных музыках. Странными музыками у нас в то время считалось все, что не было хеви-металом.

Брат дал мне несколько кассет того, что он считал панк-роком. Среди них был первый альбом «Чудо-Юда», кстати, слышанный мной задолго до этого. Несколько лет назад на экранах прошел отличный фильм «Авария – дочь мента», где «Чудо-Юдо» играли сами себя в нескольких сценах. Кроме прочего, не помню уже чего именно, у меня оказалась кассета Sex Pistols с Never Mind the Bollocks на одной стороне и Great Rock'n'Roll Swindle на другой. Вот это было по-настоящему круто! И если мне предлагается играть такую музыку – ОК, вперед! Ничего подобного я не слышал никогда, хотя увлекался роком лет с 11. Вся наша школьная и пионерлагерная (а позже – просто дворовая) туса зависала на метале. Хеви был в топе весь конец восьмидесятых, и эти записи было сравнительно легко достать (если ты, конечно, был знаком с нужными людьми). Я имею в виду, что нас не достала «новая волна» – это была музыка скорее старших братьев. Тех, кому было 14–16 в году восемьдесят четвертом, Duran Duran были их группой. Пост-панк тем более прошел мимо, хотя и оказал огромное влияние на большое количество русских групп, пытавшихся в начале девяностых играть нечто подобное. Но Pistols не были ни первым, ни вторым, и уж тем более они не были хеви-металом, хотя некоторые элементы их звука меня приколотли именно потому, что я имел кое-какой хеви-опыт.

Но минимализм в аранжировках, фокусирование на ПЕСНЯХ, а не на делании МУЗЫКИ, лаконичность и конкретность производили неизгладимое впечатление.

Конечно же, это только сейчас, поднабравшись формулировок и научившись с грехом пополам облекать свои чувства, вызванные прослушиванием музыки, в слова, я смог все это расписать таким образом. Тогда же, в 1991-м, было ясно одно – я тоже так хочу, и что самое главное – МОГУ. Пунк не требовал исполнительского мастерства, и это мне более чем подходило. Кроме всего прочего, и это тоже было важно, я не находился в плену мифа о Pistols. Я ничего не слышал о Сиде и Нэнси, и обо всех этих Who kill Bamby? и Destroy! Я ничего о них не знал, поэтому воспринимал их просто как рок-группу, сочинившую и записавшую пластинку из простых и мощных рок-песен, несколько однообразных, но от этого не менее привлекательных.

Итак, ответ был дан положительный, как вы, наверное, догадались, и мы поехали на первую репетицию.

Песни учились легко, от меня не требовалось сочинять отдельные басовые партии или ходы (мало того, все попытки делать это пресекались на корню как несоответствие жанру). Тонический бас, подклад восьмыми нотами (ды-ды-ды-ды-ды-ды-ды-ды) в большинстве случаев в унисон гитарным партиям – вот все, что требовалось. Все песни сочинялись Лениным, который приносил готовые мелодии, аранжировки и тексты – на английском и русском.

Юра Ленин был по-настоящему одаренным парнем, делал музыку легко, обладал необходимой музыкальностью и мог петь, с легкостью попадая в ноты.

Юра жил на Большой Дорогомиловской и учился с Рубановым в одном классе в 56-й школе. Имея папу кадрового офицера (человека весьма сурового нрава, с именем Владимир при фамилии Ленин), Юра был весьма оригинальным пассажиром. Худой, среднего роста чувак, в сапогах, внешне издали напоминавших «казаки», но имевших застежку «молния» на внутренней стороне, что по тогдашним «пацанским» представлениям было западло. Платок с чуть ли не хохломской росписью повязывался на башку в виде псевдобанданы, кожаная куртка и ботан-очки на носу. Также наличествовали умеренные хаерки (скорее всего, отбитые у папани с боем) и манера использовать в разговоре массу слов из постхиппистского англоязычного сленга, к месту и не к месту. Все эти его «шузы», «ги?тар», «сейшн», «элбум» немного раздражали, но тем не менее придавали ему вид «рок-ребела» (оп-па, я по ходу тоже что-то такое употребил),

мучительно борющегося с консервативным влиянием семейной среды.

Юра был действительно талантливым сочинителем для шестнадцатилетнего парня, «секспистолзподобные» песни сыпались из него гроздьями. Кроме пения (он классически копировал манеру Джонни Роттена) Ленин также поначалу играл на ритм-гитаре. Именно Юра, желавший во что бы то ни стало делать «все как у них», напридумывал всем сценические кликухи. Рубан остался Рубаном (правда, став Дэном вместо Дениса, что, согласитесь, не очень напряжно). С Воробьем ничего поделывать было нельзя, поэтому все сошлись на том, что Воробей останется им по-прежнему. Себя Юра стал именовать Джерри Лайдон, хотя ему как раз, имея настолько экзотическую и громкую «родную» фамилию, жаловаться было грех.

Меня же Юра сразу начал величать, даже не спросив разрешения, Сидом. «Раз мы русский Pistols, а ты играешь на басу, – будешь Сидом».

Да уж, в логике ему отказать было сложно.

Воробей, или Дима Воробьев, был из семьи попроще. Его мама работала учительницей немецкого в нашей 665-й школе, отца на горизонте видно не было. Воробей учился там же, на класс старше меня. Дима с матерью жили в коммуналке на Кутузовском, в соседнем с рубановским доме. Как оказалось, еще в школе он увлекся музыкой и в старших классах занимался пением, самостоятельно научившись играть на гитаре. Поначалу он был музыкантом сорта «можешь-спеть-пару-песен-«Кино»-под-гитару?», и рок был несколько далек от него. Насколько я сейчас понимаю, переход с «боя» полными аккордами на чистом звуке к игре квинтами и квартами с дисторшном проходил для него несколько болезненно. Димон был и, я надеюсь, остается простым, добродушным и милым парнем, с отличным чувством юмора, тактичным и внимательным. Он никогда не был супермузыкантом (впрочем, как и каждый из нас, за редким исключением), однако играл ровно и с чувством, быстро освоив большинство характерных гитарных панк-фишек (Steve Jones style, baby). Он также мог петь, что и делал в самом начале «К. П.». Ленина то ли еще не было, то ли он тогда только играл на гитаре. Но с переходом к новой эстетике группа посчитала, что Ленин будет более выгодно смотреться в роли лидер-вокалиста.

Рубан был из цирковой семьи, их династия насчитывала несколько поколений, еще с дореволюционных времен (революция свершилась в октябре 1917 года). Мать его постоянно находилась на гастролях, отец жил в другом месте (родители были в разводе). Денис проживал с двумя бабушками – божьими одуванчиками, одна из которых была его настоящей бабушкой, а вторая – ее сестрой. Все школьные годы он гастролировал вместе с цирком, в котором работала его мать, переезжая из города в город, сменив за это время несколько десятков школ в разных местах России. В старших классах он прекратил движения по стране и доучился в 56-й школе, живя в огромном сталинском доме на Большой Дорогомиловской.

Рубан был основным катализатором в группе, наиболее деятельным персонажем, тянувшим за собой остальных. Поступив после школы на телевизионный завод «Рубин», он попытался собрать первый состав группы. Сам он пробовал играть на басу, но после травмы, полученной на заводе (что-то типа растяжки фаланг нескольких пальцев), переключился на барабаны. Наши с Денисом музыкальные вкусы совпадали почти полностью, он также парился на хеви-метал. Его любимыми группами были Accept/UDO, Iron Maiden, Metallica, Guns'n'Roses, AC/DC, Motorhead, Kiss и другие. Так же, как и я, он прошел в детстве через увлечение евро-попом (Modern Talking, Bad Boys Blue, Silent Circle, Joy etc).

На самых первых репетициях у Ленина уже были песни «Под потными обоями» (позже – «Песня о жизни»), «Шилов вернулся», «Прохожий» – все они делались еще без меня в составе. Через несколько реп Ленин принес «Четыре таракана», I'll fuck my king in the ass, а Рубан предложил сделать песню на основе пионерской песенки про овечку («Протекала речка, / а над речкой мост, / на мосту овечка, / у овечки хвост. Высохла та речка, / провалился мост, / умерла овечка, / отвалился хвост. А ну-ка раз, два, три, четыре!»). Песню «Про овечку» играла еще одна группа, репетировавшая во Дворце пионеров, – чуваки из Давыдова под названием Kick in Ass («Мы в Давыдове живем, / все мы курим, все мы пьем, / так что слушай Kick in Ass / охуительный процесс»). В составе Kick in ass были парни, позже сформировавшие восхитительную франкоязычную банду Les Primitives, гитарист которых, Шахно, после распада группы некоторое время играл на гитаре в «Четырех тараканах». Из «Овечки» путем несложных генетических операций была произведена «Крыса».

2. «Четыре таракана» from USSR

После очередного конфликта с Валентинычами (один из них начал что-то гнать по поводу наших песен, хулиганского вида и беспонтовости панк-рока как музыкального стиля в целом) Ленин полез в драку. Мы завязали с репами на площади Победы. Надо было искать новое место для реп, и других вариантов, кроме как снимать часы за деньги на коммерческой базе, не было. Таким образом, после недолгих поисков мы въехали на точку, располагавшуюся в старой церкви в районе метро «Шаболовская». Нужна была лаванда – три часа репы стоили 25 рублей, пачка сигарет стоила 2 рубля, вроде бы. Не помню, кто предложил это первым, но идея была проста, хоть и несколько непоследовательна. Состояла она в том, чтобы исполнением одних песен заработать на репетиции других. Короче говоря, взяв пару акустиков, мы выезжали с утра пораньше в длиннющий подземный переход метро (пересадка с «Площади Революции» на «Театральную») где и вопили дурными голосами один и тот же репертуар по кругу – «Замыкая круг», «Гуд бай, Америка» и еще пару подобных вещей. Спешащие мешочники и иностранцы-экскурсанты ссыпали нам достаточно денег, чтобы оплатить три репы в неделю, метнуться пожрать в «Пиццу-Хат» на Кутузовском (только-только тогда открывшуюся и поэтому жутко популярную) и взять вермута. Записав на базе несколько песен на встроенный микрофон обычного бытового магнитофона, мы получили свое первое демо. Я кое-что знал о Рок-лаборатории (официально – «Московская творческая лаборатория рок-музыки»), к тому же в «МК» был дан анонс приема записей от групп, желавших выступить на «Фестивале Надежд» Рок-лаборатории. Фестиваль проходил раз в год в «Горбушке» и был значимым событием в мире тогдашнего андеграунда. Группы считали фест типа «путевкой в большую жизнь», «стартовой площадкой», бла-бла-бла...

На деле оказывалось, что за два дня фестиваля в марафонах из нескольких десятков выступавших банд возможность обратить на себя внимание имели либо самые выдающиеся, либо самые выебистые.

Звездами первых фестивалей были «Звуки Му», «Вежливый отказ», «Нюанс», «Коррозия металла», «ЭСТ», «Черный обелиск», «Шах», «Ва-Банкъ». После фестиваля 1990 года стали известны «НАИВ», «Монгол Шуудан», «Матросская Тишина», «Бахыт компот», «Ногу свело!», «А-Ы» и другие. Все кайфы, которые группа могла иметь после успешного выступления на «Фестивале Надежд»,

заклучались в «приеме на работу» в Лабораторию. Музыканты имели возможность положить в отдел кадров свои трудовые книжки, и это было важно. Тогда в СССР свирепствовал старый УК, и статья о тунеядстве вовсю работала. Как, впрочем, и статья о мужеложстве и незаконных валютных операциях, по которым можно было привлечь не одного и не двух «сотрудников» Рок-лаборатории. Юмор, типа.

Кроме всего прочего, лабораторское начальство могло помочь группам с базой, аппаратом, ну, и мутило какие-то концерты-фестивали по децелу. Именно им мы и отвезли демо.

Удивительно было даже не то, что нам позвонили через несколько дней и сказали: «Все ништяк, приезжайте на разговор». Удивительно было то, что мы, оказывается, им крепко понадобились. Уже на первой встрече прозвучала поначалу ненавязчивая, а впоследствии все более и более настойчивая просьба переименовать группу. Кроме того, нам также намекнули, что неплохо было бы сменить барабанщика, который по их понятиям (до нас тогда все эти сложности не доходили) был слабоват, «неровняк».

Так или иначе, но нам сообщили день, когда в малом зале ДК им. Горбунова состоится живое прослушивание отобранных групп. Второй уровень, так сказать.

Предфестивальное прослушивание выглядело так. В партере малого зала в креслах расположилось все лабораторское начальство, плюс какие-то журналисты с фотоаппаратами, плюс музыканты некоторых лабораторских групп (допускались все желающие). Мы не знали почти никого, кроме Германа из «Матросской Тишины» (его я видел на фотке в лабораторском журнале «Сдвиг»), также Рубан сразу сказал, что в зале есть чуваки из «НАИВа». Лично он также не был знаком ни с кем из них, но как-то признал. Итак, настало наше время выходить на сцену, мы включились и начали. Вы можете не верить (я бы тоже не поверил), но... после первой песни ОНИ ВСЕ ВСТАЛИ с мест и СТОЯ аплодировали нам. И толстые тетеньки-начальницы, и Антон Якомульский из «Ногу свело!», и какие-то офигенно модно прикинутые чуваки, и бородатые челы с фотоаппаратами. Я не мог объяснить этого тогда. Никто не мог. Сейчас, может быть, и понятно, что хлопали они не нескладной группе прыщавых нелепых подростков, они хлопали юности, свежести, наивности, безыскусности и отсутствию зауми. Все тому, что НА САМОМ деле вставляет в ранних записях почти всех панк-групп мира. Вы вряд ли найдете в них хоть какое-то владение инструментами, хоть какие-то мысли и идеи, там даже может и не быть МУЗЫКИ.

Но это чувство, что-то такое щемящее, что заставляет с большей силой жалеть о том, что тебе уже не 16 лет, – вот чего там много. Кто-то из этих людей хлопал тем, кем они сами уже никогда не смогут стать, другие – признав в нас своих.

Мы сыграли еще пару вещей. На одну песню по просьбе Ольги Опрятной, директора Лаборатории, на сцену поднялся Антон из «Ногу свело!», чтобы исполнить с нами «Четыре таракана» (наиболее техничную в барабанном плане нашу песню на тот момент). Они хотели посмотреть на то, как это будет звучать с сильным барабанщиком.

Когда мы спустились со сцены и пошли к выходу, все хлопали нас по плечам, говорили какие-то приятные вещи, а один, обращаясь к пацанам, сказал: «Берегите вашего Сиды Вишеза». Кликуха пришла еще и с другой стороны, впрочем, в то время это ничего, кроме гордости, не вызывало. На «Фестиваль Надежд» мы были приняты, однако с несколькими оговорками. Нам все-таки предстояло сменить имя. «Кутузовский проспект» сильно не нравился им всем. Они лечили нас, что мы еще молодые и многого не понимаем, что такое название будет тормозить наше развитие, что группа с нашей музыкой и посылом должна называться соответствующим образом, не так сухо и безлико. В итоге мы согласились со всеми доводами, однако категорически отказались от предложенного кем-то из лабораторских названия «Четыре таракана». «Четыре таракана»? Смеетесь, что ли? Что за детский сад? Мы даже не рассматривали особо этот вариант по причине его выдающейся безмазовости и кошмарного звучания. Намного позже, в самом конце 1990-х, Руслан Ступин, оригинальный гитарист «НАИВа», в нескольких интервью называл себя человеком, «придумавшим нам название», «принявшим группу в Рок-лабораторию и чуть ли не оказавшим судьбоносное и кардинальное влияние на нас поначалу». Возможно, Руслан тоже был в зале на том прослушивании, возможно, он был именно тем человеком, который, услышав песню «Четыре таракана», выдвинул идею назвать группу по названию песни. Все это может быть, однако я не склонен гипертрофировать чье-либо влияние на нас в этом смысле.

Итак, мы должны были в кратчайшие сроки назвать себя как-то по-другому, придумать звучное и крутое название группе, такое, чтобы не было стыдно идти под ним по жизни.

Еще одной оговоркой была необходимость подтянуть игру Дениса и в крайнем случае заменить его на фестивале Антоном Якомульским либо еще одним чуваком, порекомендованным лабораторцами, – экс-барабанщиком группы «Т-34» (не помню имени этого парня, к сожалению). Мы стали ездить на базу «Ногу свело!» на Полежаевку. Их база, на которой находился лабораторский аппарат, была оборудована в одном из помещений автобазы на улице Куусинена. «Нога» тогда начинала потихоньку выбиваться в фавориты, хотя до настоящего их успеха, «Хару-Мамбуру» и всего такого, оставалось еще почти три года. Антон на самом деле поморочился с нами (не очень много, правда), показывая Денису разные приемы и помогая ему в том, что касается «ровной» игры. Проблема Рубана тогда и потом состояла в практической невозможности удерживать игру в одном темпе. Он, что называется, «плавал», играл то чуть быстрее, то медленнее, что, конечно же, катастрофическим образом сказывалось на общем звучании группы. Песни просто расплзались на глазах, мы не звучали монолитно, а панк-группа, не звучащая «вместе», оставляет весьма комичное впечатление. Основные советы Антона касались игры под метроном, дисциплинирующей музыкантов и позволяющей более сфокусироваться на ровности темпа. Однако с нами было не все так просто. Денис начинал жаловаться на то, что «метр» отвлекает его, не дает наслаждаться игрой и мочить по-настоящему. Все это, конечно же, шло от нашей неопытности, мы были начинающей группой с хорошим материалом и позитивным посылом, но так себе играющей. Иногда на базе мы встречали лидера «Ногу свело!» Максима Покровского, странного молодого человека с внешностью рано начавшего пить лыжника-ботаника и задатками начинающего параноика. «Ногу свело!» тогда почти отошли от своего старого пост-панк-стеб-глум материала типа «Лысой девочки» и «Подростка Семенова», только что выпустили на виниле альбом «Капризы манекенщиц» и звучали сочно и очень оригинально.

«Ногу свело!» оказались единственной более или менее известной группой на «Фестивале Надежд» в июле 1991 года в ДК им. Горбунова. Лаборатория поставила их в концерт начинающих банд как коммерческую замануху, плюс желая показать публике новую программу активно прогрессирующей группы. Кроме них, вы не могли найти в афише фестиваля ни одного имени, хоть что-то говорящего публике. Я постараюсь навскидку вспомнить несколько: день первый, металл; «Хеллер», Razzle Dazzle, э-э-э... Э-э... А! Вот – Distemper. Да, точно, Distemper играли в первый день вместе с металлической братвой. Как вы, наверное, понимаете, никаким ска-панком тогда даже не пахло, а пахло жесточайшим кроссовером/хардкором в духе Carnivore и DRI. «Урела, все совковые дела», «Нам сегодня с Баем дали пиздюлей», такие песни.

День второй – панк, пост-панк, индастриал, короче, все, что не металл; «Глобально красные ночью на фронте» (отличные названия были тогда у групп, а? Можете себе представить сейчас группу, которая захотела бы назваться так?), «Джефф», «Французское сопротивление» (неплохая банда, игравшая смурной пост-панк с индастриал-штуками, очень умную музыку. Чуть позже они смогли выпустить винил на «Мелодии». Я не любитель такой музыки, но их опыты, по крайней мере, вызывали уважение. Я не знаю, что с ними сейчас. По-моему, они не существуют года с 1993–94-го), «Кузькина мать», «Пост ОРБ» и масса других. В каждом из двух дней принимали участие по полтора десятка групп.

Итак, мы репетировали, готовясь к выступлению, параллельно придумывая себе новое название. Мы устраивали мозговые штурмы, фонтанировали самыми тупыми и нелепыми названиями, перебирали массу вариантов и в итоге остановились на варианте, предложенном Лениным. «Биг-Бен» – вот как мы посчитали возможным назвать свою группу! Нет, с другой стороны, все понятно, юные панки, считавшие Лондон столицей панк-культуры, а башню – символом этого города. Второй, жаргонный смысл этого выражения нам почему-то был тогда не очевиден. Это название также вызвало неприятие, и все началось заново. В итоге наша неоперативность, отсутствие единомыслия и некоторая лень привели к тому, что все сроки, отпущенные на придумывание названия, истекли. И тем не менее анонс предстоящего фестиваля, пошедший по радио SNC, в котором одной из выступающих групп называлась группа «Четыре таракана», произвел на нас шокирующее действие. Мы были в полной уверенности, что нашей не успевшей еще начаться карьере наступил конец, что ни один здравомыслящий человек не захочет поинтересоваться группой с таким названием. А как прикажете знакомиться с телками?

«А ты чем занимаешься?» – «А я играю в группе!» – «Да? И как же она называется?» – «Четыре таракана». – «?!?!?!!!!!!!»

Не говоря уже о том, что такое название не может вызывать у людей уважения к музыкантам, решившим вдруг выбрать себе подобное имя. Я бы не стал слушать группу с таким названием просто из-за него. Сейчас я считаю себя терпимым человеком, open minded, как это называет Чача, толерантным ко всем (ну, или почти ко всем) формам проявления творческой мысли, но в то время название группы могло помешать людям добраться до музыки. Мы все думали тогда примерно так и жутко злились на лабораторских функционеров, позволивших себе так жестко нас подставить. Однако в конторе царили спокойствие и тишь.

Их объяснения звучали примерно так: «Ну ладно, пацаны, ну что вы разорались. Это всего лишь один концерт, да еще сто раз переименуетесь, какие ваши годы!» Что самое интересное, время показало, что они были отчасти правы. В любом случае, мы успокоились, залечивая себя примерами из мировой рок-музыки, когда группы с нелепыми названиями становились звездами и никому нелепость этих самых названий уже не была столь очевидна. Да что далеко ходить за примерами – НИКТО и НИКОГДА не мог даже предположить успех в масштабе целой страны группы под названием «Ногу свело!». Кто угодно, только не они. Люди, массы просто не смогут принять этот коллектив. Так казалось в 1991-м. И что же? Разве сейчас кому-нибудь имя «Ногу свело!» кажется странным, режет ухо? Сомнительное, бессмысленное словосочетание превратилось в фонетически привычный набор звуков.

Итак, мы выступили на фестивале. Не так хорошо, как хотелось бы, на говняном звуке, не особо динамично, однако один фактор все-таки перевешивал все.

Никто, кроме «Четырех тараканов», не играл (на фестивале) панк-рок. Люди заморачивались на всякие пост-панки и заумь, нытье, вытье, психоделию, атональности, нойз и тому подобную неконкретную муть.

Почему никто не понимал, что, исполняя простую и доступную музыку, можно быстрее достучаться до сердец людей? Как все эти музыканты могли прикалываться от мудятины, в большинстве случаев надуманной и высосанной из пальца, когда абсолютно ясно, что люди хотят РОК? Громкий и тупой рок-н-ролл, способный поднять из могил мертвецов и уложить в них живых. Я верю в то, что все они действительно считали, что делают хорошую музыку, но время показало, что НИКТО из того лабораторского набора, кроме нас и Distemper, не прожил и трех лет.

Короче, мы были единственными, кто играл панк-без-затей, классический подростковый seventy-seven, и часть публики отнеслась к нам с симпатией. Люди запомнили имя и то, чего они могут ожидать от этого имени. Для начала было достаточно.

После сета в примерку, в числе прочих праздношатающих пассажиров, заглянул весьма нетрезвый чел. Познакомиться и поздравить. Чувак отлично выглядел (по сравнению с тем, как выглядели мы, он выглядел просто охуенно!),

постоянно юморил и вообще всячески к себе располагал. Рубан, подводя к нему свою тогдашнюю девицу, сказал: «Вот, Маша, чувак, который поет про “Жирный, жирный, поезд пассажирный”. Оп-па! Так это же Крэйзи из «НАИВа»! Круто! Так мы, собственно, и познакомились. Знакомство наше, переросшее в приятельство, дружбу, сотрудничество, продолжилось через несколько месяцев, и до этого дело дойдет в свое время. В тот раз Саша потусовал с нами несколько минут, накатил чего-то там такого и отправился дальше. Мы приободрились немисливо! Наряду с Never mind the bollocks... Pistols, наивовский Switch Blade knaive 1990 года был на тот момент главной панк-пластинкой для нас и нашей тусы. И если Pistols были классикой, эталоном и примером стиля в принципе, то «НАИВ» показывал, как то же самое, без потерь по качеству и скидок на «ну-у, мы же живем в совсем другой стране», можно делать на русском и в России. Их клип «Танки-Панки» показали в нескольких музыкальных передачах, чуть позже «НАИВ» снялись в популярнейшей тогда «Программе А». Они жили неподалеку, чуть западнее по Кутузовскому, в Давыдове. Мы также знали, что их альбом был выпущен на виниле в Америке, на каком-то авторитетном лейбле, да и сами чуваки весьма непросты в плане происхождения (ну, или, по крайней мере, часть их). Мы добыли эту запись (как и множество других панк- и андеграундных записей) в студии Рок-лаборатории «Колокол», где за легкий прайс вам на вашу кассету копировали любую фонограмму из огромного каталога. По-настоящему же Switch Blade knaive был выпущен в России только в 1997 году фирмой грамзаписи «Фили». Мы слушали «НАИВ» каждый день и просто не понимали, как это сделано. Где они набрались этой легкости и безбашенности? Как они, играя на металлическом звуке с глэм-прихватами, при этом не делают ни металл, ни глэм, а фигачат офигенное панк-музло? Да, конечно, мы тогда многого не знали. Да что там многого, на самом деле мы не знали ничего. Одна пластинка Pistols, прослушанная через 14 лет после ее выхода, – вот и вся инфа, которой мы тогда владели. А с этими парнями было все не так просто. В их песнях чувствовалось знакомство (и весьма неповерхностное) с жанром. Мало того, они отлично играли, имели свой собственный звук, во многом определявшийся своеобразной игрой Ступина на гитаре и вокалом Крэйзи. Они делали «несовковые» русские тексты. Делать «несовковые» тексты было в тот момент главной задачей тех, кто, играя «фирменный» рок, собирался сочинять лирику на русском. И наоборот – написать «совчину» было страшным западлянским актом. Именно поэтому в описываемый период времени большинство групп «нерусского» рока сочиняли всю лирику на английском. Люди просто боялись испоганить себе мазу. Никто не знал, как делать русские тексты и при этом не скатиться в русский рок. «НАИВ» знали. «Танки, танки, танки, танки, в них сидят солдаты-панки!», или «Доктор Айболит», или «Композитор Бах, надавал мне в пах! / я остался подыхать, погибать в кустах!

Его грудь в крестах, а моя в волосах, / он – немецкий органист, а я советский онанист!». Кайф!

ОК, мы слушали «НАИВ», теперь даже могли похвастаться пусть шапочным, но все-таки знакомством с одним из них. И конечно, как множество начинающих парней сейчас мечтают о совместном концерте с ними или с нами, нам тогда тоже мечталось выступить с «НАИВом». Мечта, казавшаяся несбыточной, стала реальностью через несколько месяцев, а пока мы захватывали подвал.

Захват подвалов на рубеже 1980-х и 1990-х был для тогдашней столичной молодежи делом почти обычным, это приобрело вид массового поветрия.

Дворовые чуваки и чувихи, не зная, куда податься в холодное время года, вскрывали подвальные двери в своих подъездах и начинали тусовать в относительно тепле и таком же уюте. Все занимались разными делами, нам же подвал был нужен как репетиционная база.

Рубан сказал, что в соседнем с его подъездом подвале когда-то залипала молодежь, и сейчас он находится в запустении и свободен.

Мы за неделю очистили его от кала и хлама, провели электричество и, попросив в красном уголке ЖЭКа какой-то заваливающий аппарат (типа на время, однако никто не собирался его отдавать ЖЭКу назад), завезли его вниз. Рубан навешал замков на двери и научил всех отжимать запоры этих «противоядерных» дверей (наш подвал, как и каждый нормальный подвал, был не просто подвалом, а «бомбоубежищем»). Он также вроде бы уболтал каких-то жэковских теток на то, что они типа дают разрешение нам там тусовать. Короче, был выбит полулегальный статус. Теперь мы могли говорить ментам, зашедшим на огонек, что у нас все чин чинарем: пожалуйста, звоните в ЖЭК – там вам все подтвердят.

Таким образом мы начали почти ежедневные репетиции. Очень скоро в подвале или около него (стояло лето) стал чалиться весь двор, а также одноклассники парней и мои собственные всевозможные девицы и типа того.

Сами мы также очень быстро начали использовать помещение не совсем по назначению. Среди прочей «мебели» внизу стоял немислимый диван (не знаю,

откуда он там взялся), на который мы и стали водить наших тогдашних подружек. Ну и выпивать там же.

Лето потихоньку катилось к концу, мы репетировали новые песни и даже записали еще одно демо, теперь уже долгоиграющее. На бытовой магнитофон в подвале были записаны барабаны и гитара (Ленин тогда уже только пел), а на дешевой студии при каком-то театре были дописаны бас и вокал. Назвав свое произведение Crazy Boys, мы отнесли кассету в «Колокол». Не знаю до сих пор, как относиться к этой записи. Хронологически это, конечно же, наш самый первый альбом. Однако он никогда не был выпущен на носителях и, я уверен, выпущен не будет. Мастер-кассета давно утеряна, та бобина, с которой фонограмма тиражировалась в «Колоколе», наверное, давно размагничена. Я лично не знаю никого, у кого бы в домашней фонотеке была приличная копия этой записи. Мы сами ни тогда, ни через год, когда был записан Duty free Songs, ни уж тем более сейчас не относимся к Crazy Boys как к полноценному альбому и никогда не включаем его в дискографию группы.

18 августа 1991 года мы все крепко залипли на квартире у Маши, той самой Рубановской герлицы. Выпивали всю ночь, под утро упали в сон. Еще через несколько часов нас разбудил телефонный звонок ленинского папаши: «Выгляните в окно, по Кутузовскому едут танки!» Заебись, путч! ГКЧП. «Лебединое озеро» по всем каналам, вместо SNC-радио в эфире дыра. Что-то надо делать или нет?

Ну-у, мы по большому счету... во-первых, в жопу еще пока (легли недавно)... во вторых, влом куда-то идти, в третьих, если танки, нас ведь могут и завалить? Но, чуть очухавшись, решили все равно метнуться к Белому дому, позырить, что там и как. Чудной Кутузовский, абсолютно пустой, перекрытый заваленными набок троллейбусами. Идти нам недолго. Именно так в первый же день переворота мы оказались на т. н. «Анархической баррикаде». Баррикада эта, как и ей подобные, построенные всюду вокруг Белого дома, состояла из перевернутых тролликов нашего родного 2-го маршрута, арматуры, бетонных плит, каких-то досок и прочего кала. Не думаю, что эти сооружения могли действительно эффективно противостоять танкам, пожелай они двинуться на штурм, однако мы старались не думать о подобном развитии событий. Баррикады были скорее местами, вокруг которых кучковались «защитники» по интересам. На одной чалились интеллигенты, на другой – бывшие солдаты, на третьей еще какие-то демократы. У нас были неформалы, и над баррикадой развевался черный флаг с анархией. Идеальный антураж для съемки клипа на любую песню из тогдашнего

репертуара «Монгол Шуудан»!

Несмотря на реальную опасность, мы достаточно весело проводили время. Ленин на второй день путча приперся в типа чекистской кожаной тужурке (укороченной и блестящей – не иначе дедушкиной) и в фуражке – тоже кожаной. В миксе с постоянными ботан-очками он выглядел просто насмерть! Такой «комиссарик молодой, щас поведу на расстрел». На баррикаде, а также под ней (сооружение было построено прямо над подземным переходом, в районе теперешней остановки 2-го тролля «Площадь Независимой России») тусовало огромное количество народу: панки, хиппи, металлисты, замороченные на политической борьбе анархисты и просто анархисты. Все бухали. Ларечники, зассавшие от возможности прихода к власти коммунистов, подгоняли бухашку «защитникам» без прайса. Жрали благотворительные датские фасолевые супы в жестяных банках, слушали «Эхо Москвы» из карманных транзисторов (единственная станция, не прекратившая вещание в дни переворота). В числе прочего я сам был свидетелем эпизода, когда некий экс-десантник в годах (выступавший на стороне «защитников») усосал из горла литр неразведенного спирта Royal, весьма популярного тогда алкогольного напитка, и двинулся дальше на защиту.

Мы не по-детски веселились, оставаясь, впрочем, на постоянном стреме в отношении возможных провокаций со стороны злодеев-путчистов. На той самой баррикаде я, кстати, впервые услышал песню группы «Гражданская оборона». Какой-то мутный чел на имидже анархо-панков того времени (хиппистский хаерок, черная шинелька, штаны, заправленные в ботинки) сидел на баррикаде и, аккомпанируя себе на акустике, выл про «границы ключ». Че за кал? Че за вой? И че за кальный дух исходит от этого вытья? Оказалось, что это одна из популярнейших песен «Г. О.», мало того – ко всему прочему, чувак называл это панк-роком!

А впрочем, тусовало там немало и нормальной братвы, со многими мы познакомились и забратались, вместе выпадая на измену от сообщений о танковых и газовых атаках, снайперах, засевших на крышах близлежащих домов, и жертвах первой ночи.

Через три дня путч радостно завершился, демократия победила. Ельцин выступил с танка, прикрывшись Коржаковым, а «НАИВ», «Монгол Шуудан», «Мистер Твистер» и кто-то еще выступили на лестнице Белого дома с

праздничным концертом.

Говорят, Шура Иванов в панк-экстазе во время наивовского сета послал со сцены Ельцина на хуй (ну, или высказался в подобном духе). Не знаю, своими ушами не слышал.

Наступала осень. За лето мы сыграли несколько удивительных концертов в разных странных местах. Мы ездили в мой пионерский лагерь, выступив на его сколько-то-там-летию (сбылась мечта идиота), Рубановская мать отрулила нам выступление в Центральном доме работника искусства. В этом помещении через несколько лет обосновался скандальный клуб Hungry Duck. Там мы фигачили сразу после каких-то цирковых клоунов и перед фокусниками.

Подвал процветал, мы репетировали все больше и больше вещей, в том числе сделали несколько каверов Pistols: No Feelings, God save the Queen и Anarchy in the UK.

В середине октября в Москве открылось первое место, которое работало по принципу европейского рок-клуба. Кафе «Отрадное» на метро «Алтуфьевская», открытое (а вернее, переделанное в рок-место из обычной окраинной пивнухи) басистом «Монгол Шуудан» Лехой Поляковым и его братом Володей, работало несколько дней в неделю. Каждый концерт был концертом независимой рок-музыки, там стоял путевый аппарат, сцену и зал разделяла металлическая решетка. Любая группа получала ящик пивчаги и поднос бутеров. Эта практика в будущем была перенята множеством мест, не только в Москве, но и в других городах. У музыкантов это называлось «играть за простав» или «играть за пиво». Соответственно, группы по своему статусу делились на тех, кто играет «за прайс», и тех, кто играет «за пиво». Мы, имея знакомства в Рок-лаборатории, сразу же попытались вписаться в «Отрыжку», что нам с успехом и удалось.

Именно на «отрыжкинских» концертах, играя с «НАИВом» и «Ва-Банком», «Чин-Чин» и «Шуудан», «Клиникой» и «Ногу свело!», мы смогли впервые завоевать кое-какую публику. В то время панков было много (буквально через несколько лет, в 1993–94-м, вся имевшаяся туса куда-то исчезла, а на ее место никто не пришел), все они с радостью посещали мероприятия в «Отрыжке». Мы обрели немало друзей среди первых фэнов, многие из которых оставались с нами достаточно долгое время, а кое с кем я иногда встречаюсь до сих пор. Один из них – чувак по кличке Август. Теперь это вечно пьяный чел у «Зиг-Зага»,

который, пребывая в особенную жопу, прекращает членораздельно использовать русский язык. Многие из вас могли видеть его там.

Телефон и Ящик, два моих друга-приятеля с тех самых пор, прошли (частично) через легкое увлечение бритоголовой темой, без особых наци-заебов, впрочем, а также нарко-темой, хулиганизмом, приобрели проблемы с законностью и до сих пор остаются преданными фэнами панк-музыки.

«Отрыжка» очень быстро стала культовым местом. Не мудрено впрочем, тогда это было единственное заведение подобного сорта. Концерты там собирали большое количество людей. Закончилось все крайне грустно. Во время одной из закрытых вечеринок, среди бела дня, в кафе попыталась вторгнуться пара алтуфьевских отморозков-урелов. Лелик Поляков, стоявший на дверях своего клуба, принял на себя их первый наезд, закончившийся смертельным ударом ножом. Леху хоронили на Ваганьковском кладбище при огромном скоплении рок-н-рольного народа. «Отрадное» закрылось, проработав со дня первого концерта до трагедии около полугода.

А в наш подвал тем временем въехал почти весь цвет московского андеграунда. Рок-лабораторцы, прослышав о том, что у «пионеров с Кутузовского» есть такая роскошная маза, принялась пристраивать к нам свои группы.

Наш аппарат постоянно ломался и в принципе был хилым и говняным. Мы нуждались в нормальном оборудовании для базы, а у «НАИВа» был лабораторский аппарат. Таким образом, в декабре 1991-го они уже репетировали у нас. «Ногу свело!» тоже были здесь (лаборатория навязала нам и их тоже до кучи). Также иногда к нам приезжали «Ва-Банкъ». Мы были только рады. На том этапе нам необходимо было быть в тусе, причем быть в тусе на равных, быть чем-то полезными. Как бы то ни было, мы все равно оставались тинейджерами, и добиться серьезного отношения к нам со стороны бывалых олдарей (а таковыми нам казались тогда все те, кто играл больше года) было сложно.

Проще всего было дружить с наивовцами. Майк Полещук (R.I.P.), барабанщик «НАИВа», казался самым компанейским челом, с ним было легко, намного легче, нежели, например, с Русланом Ступиным. Майк знал всех, и все знали его. Он был не только барабанщиком, но еще и очень способным электриком и техником.

Он отлично отстроил завезенный аппарат, переделал всю электросистему в подвале. Майк производил впечатление крайне милого парня, своего в любой тусе, веселого и всегда готового подогреть и подогреться. К сожалению, чем дальше, тем больше его постоянная готовность подогреться, чаще всего за чужой счет, стала осложнять общение с ним. Майк дружил с абсолютно разными людьми. Кислотный Герман из «Матросской Тишины» и мощные байкеры Хирурга, авангардные художники и первые сквоттеры, олдовые московские панки типа Жабера и Саши Скляра – все ходили в Мишиных приятелях. Стусовавшись на первых порах именно с ним, мы также начали вылезать в «свет». Миша всегда знал, где и когда проводятся концерты, и всегда имел мазу проходить по гест-листу и затягивать вовнутрь и нас тоже. На один из таких концертов (в ДК МЭИ на «Авиамоторной») мы как-то с ним и отправились вдвоем. Играли «Матросская Тишина», «Дети Кеннеди» и еще какой-то стафф из тогдашних. По окончании вся туса вывалила наружу и оказалась в плотном кольце очень организованного и серьезного отряда гопоты. Не произнося ни слова, эти мощные парни проводили всю неформальную толпу (тут же сгруппировавшись) до входа в метро «Авиамоторная». Так и не поняв, что же им было нужно, мы все, рассосавшись по двум вагонам подошедшего поезда, отправились в сторону станции «Площадь Ильича». Не успев въехать на платформу станции, мы со всей трагичностью врубались, что попали в западню, равной которой по подлости и идеальной организации никто из нас не знал. Как только поезд въехал на платформу (наши несколько вагонов располагались в голове состава), в стекла полетели тяжелые предметы, а на самой платформе обнаружился не то что отряд – вся станция была заполнена крайне агрессивными, орущими «Гопня вперед!» и бегущими к нашим вагонам крепкими челами разных возрастов.

Их на самом деле было очень много, намного больше, чем нас (среди нас к тому же было немало телок). Несколько сотен, я думаю. Их тактика была абсолютно беспробитна – нам просто некуда было деваться, а им оставалось только ворваться одновременно во все четыре двери метровагона и завалить всех за те три минуты, что поезд идет до следующей станции. Мутант-машинист, вместо того чтобы сориентироваться по ситуации, по-прежнему притормаживал ход поезда, мы должны были вот-вот остановиться, и каждый понимал, что будет с нами в следующую после полной остановки секунду. Телки визжали в ужасе, никто не знал, что делать. Какой-то чел крикнул: «Держите двери!» – и сам метнулся к ближайшим. Люди кинулись к дверям, в один момент они были заблокированы, но все-таки одна пара дверей открылась.

В них тут же хлынула обезумевшая масса упырей, однако напор их был ограничен, эти уроды даже организовали легкий затор-давку, мешая друг другу просочиться в вагон. И в эту секунду телка, которая стояла рядом со мной (мы находились весьма недалеко от злополучных дверей), уставившись на некоего чела в кожаной шляпе и длинном кожаном плаще, проговорила: «У него пистолет!» Наличие гангов в частном пользовании тогда было редким явлением, обладателем пистолета, по тогдашним понятиям, мог быть либо мент, либо крутейший бандюган. Чувак же не был похож ни на первого, ни на второго. Такой типа неформал неопределенной ориентации, да еще и олдарь, лет 28–30.

Так или иначе, чел вытащил свою «дуру» (не особо, впрочем, ее запаливая) и двинулся вперед. Мне было не очень хорошо видно, что же произошло дальше, однако успевшие вдавиться в вагон упыри оказались снова на платформе, с нашим «оруженосцем» из поезда вышли еще пара таких же странных чуваков. Состоялся краткий спич. Все это время мы держали двери, но уже для того, чтобы они не закрылись и наши спасители могли войти назад. При этом мудацкий машинист долдонил по радио свое идиотское «отпустите двери». В итоге они до чего-то договорились, «кожаные плащи» вошли назад, двери были отпущены, поезд тронулся. Как говорят, все массовые скопления молодежи, особенно неформальной, в те времена так или иначе контролировались госбезопасностью. Быть может, «кожаные плащи» были нашими кураторами, случайно попавшими в переделку вместе с «клиентами»?

Вообще, попасть с Майком в ситуацию «хэлп», ситуацию «СОС», было несложно. Миша курил ганджубас и постоянно имел при себе палево.

Как и все «НАИВы», он был жирнейшим образом прикинут. Парни имели все, о чем не мог даже мечтать самый продвинутый панк-модник столицы. Макс Кочетков, басист, вернувшись из Штатов после выхода там Swith Blade knife, привез группе до хуя фирменного панк-стаффа. Чуваки ходили в «родных» (а не рок-лабораторских, как мы все тогда) панк-майках; отлично пошитых, неубиваемых «косых» куртках в нашивах. «Косая», в отличие от ситуации, сложившейся на рынке кожаных изделий через несколько лет, в 1991 году была не просто одеждой. Это был отличительный знак, символ, крайне дефицитный предмет. В России их тогда не пошивали, это можно было купить только за границей. Также у них были «родные», американские Dr. Martens, настоящие кеды Converse, которые носились летом. В плане музыкального экьюпмента парни также были экипированы по полной. Макс играл на красном Kramer bass, а у Ступаря был мощнейший Charvel с сытнейшим металлическим звуком.

Ступин был и остается человеком непростым в общении, ты никогда не можешь знать, какую предьяву он сделает в следующий момент и на что зарубится. Руслан очень талантливый музыкант, отличный гитарист и композитор. Ему уже тогда удалось выработать очень индивидуальную технику игры, основанную на смеси глэм-стиля, хард-н-хеви, блюза и панк-штук. Он всегда старался играть разнообразно, и каждый фэн «НАИВа» может убедиться в этом, прослушав записи группы с Русланом. Он также являлся основным композитором группы с самого начала, и, насколько я могу судить, большинство песен для альбома «Пива для “НАИВа”» (сочинение, репетиции и подготовка к записи которого проходила на наших глазах), а также следующей пластинки сочинил именно он. Поначалу Ступин вел себя с нами несколько высокомерно, однако подобное отношение к людям – неотъемлемая черта его характера, и с этим невозможно ничего поделать.

Макс Кочетков, или Фэт, как его иногда звали, был на самом деле добродушнейшим толстячком (вернее, крупным парнем). Как и Иванов, он провел детские и подростковые годы в Америке и был по-настоящему подкован в панке, являясь в некотором смысле самым большим носителем этой культуры из всех людей, которых я когда-либо встречал в России. Фэн Ramones и Plasmatics, он имел их альбомы на виниле и подсадил нас всех на это дело. Макс выписывал и, зная английский язык, как родной, читал множество американских панк-зинов и сам писал в один из самых авторитетных из них – MAXIMUMROCK’N’ROLL. Частенько Макс был третьим в наших с Мишей вылазках в центр или на концерты. Его также знала вся туса, мы всегда были желанными гостями везде. Вместе с Шурой «С. Razy» Ивановым он замутил «НАИВ» в армии, где они, собственно, и познакомились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/spirin_dmitriy/tupoy-pank-rok-dlya-intellektualov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)